

От редактора рубрики

В настоящем выпуске нам бы хотелось познакомить читателя с несколькими сюжетами по месоамериканской истории и политической антропологии. Данные исследования даже большинству образованных людей кажутся чем-то страшно далёким, экзотическим и вместе с тем интересным, захватывающим. Стандартная программа укладывается в шапочное знакомство с классическими цивилизациями Нового Света – майя, ацтеками, инками. Намного меньше людей знают (если считать знанием то, что человек помнит после того, как всё основательно забыл, выйдя из стен школы или вуза) детали генезиса этих цивилизаций, а ещё меньше задумывается на тему – какие проблемы, актуальные для современной политической антропологии и истории в целом, можно решать на их примере.

Процесс возникновения сложных обществ и последующий генезис государства давно интересует исследователей. Не случайно, что преодоление общинного уровня социальной интеграции и возникновение организационной иерархии в виде вождеств (двух и более уровневых систем) в среде эволюционистов принято называть «управленческой революцией» (по аналогии с чайлдовской неолитической или уайтовскими энергетическими революциями). Данный процесс шёл во многом схожими путями во всех частях ойкумены, имея, наряду с этим, и свои специфические источники и формы воплощения. Потребность в такой революции проистекала из необходимости организовывать редистрибуцию ресурсов (материальных и символических) в условиях их ограниченности (естественной или даже искусственной), несмотря на то, что производящее хозяйство этой фазы уже поддерживало значительное по прежним меркам население. Причём возникновение политэкономии было и следствием, и, одновременно, причиной новых потребностей, стимулировало престижное потребление элиты и вело к её последующей внутренней дифференциации и конкуренции, а сами политики – к экспансии. Источники же власти могли быть самыми разными – контроль над торговыми сетями и редкими ресурсами, военным делом, сакральным знанием и т.п. Нерасчленённость властных компетенций, тождественность политических иерархий семейно-клановым структурам и особая роль идеологии (которая рождается параллельно) на данном уровне социальной эволюции всегда стимулируют спекуляции о соотношении светской (в основном военной) и жреческой власти. Кажется, что политическая власть в Месоамерике рождалась как теократическая и развивалась до военных форм (в логике – от майя до ацтеков), однако это не совсем верно. Древние майя не были такими уж миролюбивыми фанатиками и богобоязненными астрономами, какими их рисовали Сильванус Морли или Джон Томпсон. Уровень агрессии и воинственности в их обществе не может напрямую увязываться с фактом отсутствия у них единой империи. В целом, перераспределение функций между отдельными жреческими и военными кланами на разных этапах не дробило системы власти, а перераспределяло нагрузку в зависимости от задач общественного развития. В период кризиса и упадка роль военной элиты всегда возрастает, что одновременно ускоряет социальный коллапс, потому что «справить на коне» невозможно.

Идеология, которая возникает в сложном обществе, намного лучше цементирует его ядро, чем прямое принуждение. С нашей точки зрения, концепты власти и лидерства – весьма интересная часть политической культуры доколумбовой Месоамерики. Открывает рубрику работа Д.Д. Беляева «Под сенью Птичьего Божества», в которой автор

анализирует формирование царской власти на Гватемальском нагорье в I тыс. до н.э. Центральное Гватемальское нагорье – одно из важнейших мест Месоамерики, связанное с судьбами многих её народов, включая, прежде всего, упомянутых майя. В статье рассматриваются истоки формирования канонических представлений о власти и образе правителя, выраженных как в имперсонации птичьего бога¹, так и в возвеличивании военных триумфов правителя. Рост и усложнение политий Гватемальского нагорья отчётливо маркирован ростом монументальной архитектуры и скульптуры, рождением иконографического канона и т.п. Для подтверждения своих мыслей автор опирается на археологические, лингвистические и исторические данные, которые также позволяют делать выводы о периодизации вышеназванного процесса. Не остаётся без внимания и ряд дискуссионных вопросов, которые стоят перед современной месоамериканистикой.

Скользя по временной глади из доклассического периода истории Месоамерики, минуя период классики, о которой немало сказано и написано, мы перенесёмся в постклассику и познакомимся с образом правителя в культуре Тайрона (Карибское побережье Колумбии) XI–XV веков². Об этом пойдёт речь в работе Е.С. Острировой. В доколумбовой Америке данный регион был зоной частых межкультурных контактов, а потому обладал гетерогенным населением. Позднее, в XVI веке, конгломерат индейских народов Сьерра-Невады почти восемь десятилетий давал военный отпор испанским конкистадорам. Здесь мы застаём власть уже чётко дифференцированной на военную и жреческую, что находило своё выражение в соответствующей титулатуре элиты (делении на светских правителей – «касики», и духовных лидеров (жрецов) – «наома»³). Впрочем, некоторые касики включали в свои имена термин «наома»³. По мнению автора, сакрализация власти в культуре Тайрона была наименьшей по сравнению с другими доколумбовыми обществами Месоамерики.

Лидерство и власть у индейцев науа в период испанской конкисты – предмет статьи А.В. Пакина. Автор рассматривает вариативность моделей лидерства у науаязычных народов тихоокеанского побережья Гватемалы, Сальвадора и Никарагуа. Лидерство здесь было сопряжено, прежде всего, с исполнением военных функций. При этом те или иные общины, входившие в состав более крупной политики, могли формировать власть разными путями – как наследственным, так и выборным. На высшем же уровне системы, власть, как и прежде, была наследственной, причём сам механизм наследования часто переходил от канона передачи власти (в рамках поколения) и она могла передаваться напрямую – детям, рождённым от «рекомендованных» знатью женщин. С другой стороны, в обществе науа можно встретить и всё три «обычные категории месоамериканских лидеров» – воина, жреца и общинного «старца».

Завершает рубрику работа Ю.В. Латушко, посвящённая возникновению сложного общества на Гавайях – в регионе, который с точки зрения европейца в каком-то смысле также можно назвать «Новым Светом».

¹ Культ, распространённый не только в Месоамерике, сравните, например, культ «человека-птицы» на о. Пасхи, впрочем, пример Рапа-Нуи уникален для Полинезии.

² Период, непосредственно предшествовавший образованию одной из самых известных империй Месоамерики, – империи ацтеков.

³ Явление отнюдь нередкое, например, в Полинезии, на Гавайях, вождь (алии) имел, в зависимости от своей генеалогии, особый ранг, который позволял отправлять тот или иной ритуал, иногда «государственного» уровня. Например, объединитель Гавайского архипелага, Камеамеа I, по рождению получил не самый высокий ранг «вохи», однако этого было достаточно для того, чтобы стать «хранителем бога Ку» (Ку-каи-ли-моку), что явилось неплохим трамплином для последующего захвата «светской» власти.

Географически отдалённых друг от друга Полинезию и Америку, тем не менее, очень многое объединяет (не только Тихий океан). Так, теория вожества, возникшая в 1950-е гг., изначально строилась на эмпирическом материале Полинезии и Америки. Известный в американской археологии исследователь Венделл Беннетт, начинал свою карьеру ни где-нибудь, а на гавайском острове Кауаи (именно ему принадлежит первая археологическая классификация местной монументальной архитектуры). Я уже не говорю о, порой не бесспорных, теориях, доказывающих доисторические контакты между полинезийцами и американскими индейцами. Уровень культурной сложности, который был достигнут полинезийцами в доисторический период, разумеется, уступал классическим цивилизациям доколумбовой Америки¹, однако, по мнению известного археолога Тимоти Эрла, гавайские сложные вожества кануна европейского открытия можно считать эталоном вождеской организации. А потому сравнения здесь не только уместны, но и эвристически полезны.

В заключении мне бы хотелось поблагодарить всех авторов рубрики и выразить надежду на дальнейшее сотрудничество. Тем более что, приписываемая Платону, мысль о несоответствии бытия «эйдосов» бытию вещей как нельзя полно отразилась в нашем выпуске. Изначально задумывалась более обширная серия примеров и тем, но на стадии «явления абстрактного» мы поняли, что выпуск станет не больше, но и не меньше, чем интродукцией. В дополнение к сказанному, мне бы хотелось, чтобы читатель, ранее не знакомый с затрагиваемой в рубрике проблематикой, проникся тем неподдельным интересом, который испытывают авторы настоящих статей к предмету своего исследования.

Ю.В. Латушко

¹ Эти общества имеют не только разный исторический и экологический бэкграунд, но попросту разномасштабны. Например, в одном из крупнейших майяских городов – Тикале в классическую эпоху в V – IX вв. могло проживать по разным оценкам от 100 до 200 тысяч и даже более человек. Цифра примерно сопоставимая с населением всего Гавайского архипелага накануне его открытия Джеймсом Куком.